

УДК 15.01.09 (159.9)

DOI: 10.25629/RMPJ.2025.01.03

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: «МОЗГИ» ИЛИ «МЫШЦЫ»?

Шабанов Л. В.

Академия войск национальной гвардии

Аннотация

В статье проводится анализ современной ситуации относительно выбора векторов государственной политики по отношению к комбатантам, вернувшимся специальной военной операцией. Автором приводятся данные по реабилитации воинов-интернационалистов в СССР и участников локальных конфликтов на территории Российской Федерации. Методом компаративного анализа рассмотрены кластеры социально-психологических форматов личностного смысла, заявленных как «психология жизни» (гедонизм, кинизм, скептицизм, стоицизм), раскрываются особенности общей направленности человека на общество (анти- и просоциальная), а также направленности государства, как политики создания человеческого капитала («мышцы» и «мозги»). Все указанные вопросы выходят в итоге на проблематику формирования образа будущего послевоенной России, в создании которого ведущая роль должна быть отведена именно ветеранам специальной военной операции.

Ключевые слова

государство, общество, человеческий капитал, психология жизни, мотивация, ресоциализация ветеранов боевых действий

Об авторе

Шабанов Лев Викторович, профессор кафедры общей и прикладной психологии НИЦ, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, E-mail: lev.shabanov@mail.ru



Говоря об отношениях государства и человека всегда есть опасность оказаться «по ту сторону актуальности». Казалось бы, что можно сказать в огромном и многоаспектном дискурсе отношений государства, находящегося «по ту сторону добра и зла» и человека, который в лучшем случае испытывает экзистенциальное неудовлетворение ввиду своего нахождения «по ту сторону принципа удовольствия».

Введение

Если мы ограничимся Русской философской традицией, то отношение государства и человека обретают конкретику – либо перед нами конфликт, либо симфония смыслов. Что такое государство? В первую очередь, это общественный продукт, показывающий уровень суверенитета общества, его функциональные связи и структурные характеристики. Что такое человек? Общественный продукт, показывающий индивидуальный уровень субъектности, количество социальных связей и характер деятельности.

Иными словами, человек как личность и субъект деятельности соотносит себя с предметной общественной пользой (*res publica*) через ценностные характеристики, которые транслирует государство.

А государство может транслировать самый разный набор ценностей, т.к. главный функционал государства определяет всё тот же человек и его нравственность. Так из проблемы взаимоотношения государства и человека проявляется проблема более высокого уровня. Это проблема онтологического основания, на котором зиждется государственное образование – т.е. какой императив «держит» фундамент государства: «Философия силы» или «Сила философии»?

Теоретико-методологическое обоснование

Если Философия силы, то государство выступает жёстким каркасом общества, а человек, находясь в обществе занимает своё чёткое место и, продвигаясь по иерархии отношений, имеет только определённый набор возможных перспектив относительно государственной структуры. Его права как правило равны его обязанностям, т.к. логический объём пространства государства равен логическому объёму пространства общества (т.е. полный объём прав и льгот, обещающий человеку, должен быть удовлетворён).

Если же в основе лежит Сила философии, то перед нами так называемое «открытое общество», где государство имеет аморфную структуру, которая пронизана сетевыми общественными институтами, чьи локальные философии, определяют их действия по отношению и к государству, и к человеку. Сам человек в «открытом обществе» оказывается свободен от обязанностей и от прав. Он предоставлен сам себе, т.к. пространство государства не равно пространству общественных отношений.

Проблема выбора человека между двумя государственными фундаментами чаще всего носит эмоционально-волевой характер и отражается в известной идиоме, которую приписывают то Бенджамину Дизраэли, то Уинстону Черчиллю: «*кто в молодости не был радикалом у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерваторм – у того нет ума*». На самом деле вопрос радикализма создаёт пафос «открытого общества», где сила видится в разнообразии и вариативности огромного числа самых разных меньшинств с различными философиями. Эти группы конфликтуют между собой и их социальная деятельность, направлена против усиления функций друг друга и государства, что позволяет элитным объединениям осваивать не только программы и «социалку», но и государственный бюджет в целом. Обратное этому, консервативное общество, определяется как зло, которое не позволяет личности сделать выбор, «загоняя в рамки» общины жизнь отдельного человека, его права и обязанности, его смыслы.

Консервативное общество, как ни странно, более гуманно, т.к. образ будущего в сознании консерватора строится на создании сколько-нибудь возможного благополучия для большинства, которое возможно при соблюдении главного равенства (права = обязанности) сплотить и сделать низкоконфликтным. А чтобы не возникла ситуация Оруэлловской «Зверофермы», описанной в законе «Все животные равны, но некоторые из них равнее», консерватор полагается на государственную машину, которая Философией силы «выравнивает» несправедливость, параллельно уравнивая не только права и обязанности, но и определяя смыслы для максимального большинства.

Таким образом за проблемой ценности человеческого капитала стоит мощное противостояние на уровне образа будущего (психология жизни) и целей управления (эффективность деятельности).

Понятно, что самые высокие показатели относительно развития общества и государственного прогресса дают интеллектуалы («мозги»), которые требуют «долгого» образования, стратегического проектирования, мотивировки на «длинные» смыслы, постоянного роста оперативного уровня подготовки персонала и содержательной тактики по поддержанию дорогой материальной базы – при этом, они («мозги») показывают крайне низкую управляемость (вдохновение и творческие порывы не подчиняются инструктажам).

Самые высокие показатели эффективного управления показывают малообразованные исполнители («мышцы»), которых можно тактически научить исполнению простых команд на конкретном участке и не заботиться ни о стратегических вопросах идеологии, ни об оперативном управлении процессами обновления материальной базы (рано или поздно или экскаватор выйдет из строя, или экскаваторщик заболеет, зато копать лопатой у нас умеет любой) – при этом они («мышцы») никогда не смогут выработать самостоятельной (объемлющей проблемы общества и человека) философии.

Эта ситуация была описана в цикле романов Айзека Азимова «Foundation», когда ставка на «мышцы» и оптимизацию расходов приводит к прогнозируемой «планом Селдона» гибели цивилизации. Для усиления этого аргумента приведём цитату другого автора из романа Нейла Стивенса «Анафем»:

- Вам нужен транспорт? Инструменты? ...
- Нам угрожает инопланетный корабль, начинённый атомными бомбами, – сказал я.
- У нас есть транспортир!

Основная часть

Социальное пространство показывает свою жизнестойкость только одним и самым главным фактором – способностью максимально точно ответить на вызов «конкретно этого» времени в «конкретно этой» ситуации. «Мозги» и «мышцы» – это два разных подхода к психологии смысла жизни и к философии объяснения как жить в «этом» обществе, вписанном в структуру «этого» государства. Понятие «психология» в данном контексте используется как эмоционально-окрашенное личностное состояние относительно пережитого опыта от контакта с внешней средой (природной или социальной). Зная разницу в психологии «мозгов» и психологии «мышц», можно попытаться ответить на вопрос об отношении государства к задаче формирования человеческого капитала.

Впервые вопрос качества населения, пережившего военные действия и находящегося перед необходимостью ресоциализации, был поднят в эллинистический период, после распада империи Александра Македонского. Это было связано с последующим разрушением института греческих полисов, городов-государств, ведущих собственную политику часто независимую от соседей. Эллинистический мир отменил суверенные и самодостаточные города-государства, включив их в большие империи и дав гражданам полиса объёмные гражданские права на всей территории страны – таким образом общество полиса перестало быть логически равным полису, а стало равно обществу империи. Ветеран войны мог прибыть в любое место своей страны и жить там, пользуясь своими гражданскими правами, но идилии не получилось. Оказалось, что подавляющее число ветеранов, прошедших от Балкан до Гималаев, замерзавших в горах Афганистана или умиравших от жажды в песках Аравии, совершенно не приспособлены к нормальной жизни в комфортной городской среде.

Классическая древнегреческая философия (*человек – мера всех вещей*) не смогла дать адекватного объяснения этому феномену, что привело к появлению философских школ «психологии жизни» (*каждый человек способен на многое; но не каждый знает, на что он способен*). Этих «школ» или новых психологий – четыре, и все они существуют до сих пор. Две (гедонизм и кинизм) имеют антисоциальную направленность и ставят во главу ценности «Эго», как особое состояние собственного благополучия. Две другие (скептицизм и стоицизм), напротив, имеют просоциальную направленность и выступают за ресоциализацию личности через взаимопомощь и альтруизм.

Наиболее известной и продвигающейся вместе с либеральной повесткой в мире современных демократических государственных образований является *Гедонизм* – это культ квалифицированного потребителя. Можно сказать, это метод воспитания человека, которому есть что терять, и ради этого он теряет свободу. Для России это стало когнитивной ловушкой, т.к. за видимой успешностью человека оказывается индивидуализация и антиколлективизм.

Например, в этой парадигме уже достаточно долгое время воспитываются сироты и дети войны – приобретая на выходе из воспитательных учреждений комплекс выученной беспомощности и социальный паразитизм (*Мне все должны*). Говоря о маршрутизации активности и энергии ветеранов боевых действий, успешно совладавших с последствиями психических травм, можно сказать, что они будут крайне полезны в рамках социальной педагогики и системы дополнительного образования в подобных учреждениях [2]. Главная задача здесь осознать и донести до своих воспитанников, что Философия желудка никогда не станет философией Сердца.

Противоположным по успешности и целям, но в то же время достаточно широко представленным в контр- и субкультурных слоях Российского общества является *Кинизм* (лат. – цинизм). Это психология отстранённости, один из способов психологического «бегства из мира людей» в позицию: *«Мне никто ничего не должен, но и я никому не должен ничего»*. Это так называемые «ушельцы», психология которых близка к потребительской, но с негативной коннотацией. Пока деньги есть можно просто лежать на дне, а потом адаптироваться к жизни «на минималках». Здесь важно понять, что большинство ветеранов боевых действий или лиц, привлечённых для участия в СВО из мест заключения, будут выбирать этот путь как своеобразную упрощённую реадаптацию, т.к. они воспринимают такую жизнь как вполне нормальную и полноценную. На втором месте по психологии кинизма идут ветераны с ампутациями. Принятие увечья часто сопровождается падением интереса к жизни и попаданием в «зону комфорта» доживания жизни «плывя по течению реки» [1].

Рассматривая вышеуказанные психологии жизни (гедонизм и кинизм), можно констатировать явную ориентацию на тело («мышцы»), и не менее явное нежелание развивать интеллектуальную сферу («мозги»). Сегодня можно обратиться к опыту ресоциализации групп, наблюдаемых в течении многих лет ветеранов войны в Афганистане. Структура расстройств и заболеваний (*в процентах, с округлением величин*) приведена по данным медицинских учреждений в Российской Федерации [5, с. 100-104]:

Психические расстройства

- ПТСР: поступившие сразу 40% || эффект отложенной травмы (статистика обращения спустя 10 лет) 80% || спустя 20 лет 70%;

- сексуальные расстройства: 40% || 90% || 80%;

- психопатизация и изменение личности: 30% || 60% || 70%;

- алкоголизм, нарко- и токсикомании: 20% || 40% || 35%;

- социальная и профессиональная дезадаптация: 15% || 35% || 45%;

- тяжёлые психоорганические расстройства: 1% || 10% || 12%.

Соматические заболевания:

сердечно-сосудистой системы: поступившие сразу 15% || эффект отложенной травмы (спустя 10 лет) 30% || через 20 лет – 65%;

- органов пищеварения: 15% || 25% || 37%;

- органов дыхания: 15% || 20% || 31%;

- костно-мышечной системы: 10% || 20% || 41%;

- нервной системы: 10% || 15% || 22%.

В случае уже представленных «школ жизни» можно видеть, как иллюзия благополучия в итоге превращается в синдром отложенной травмы, что создаёт ухудшение именно психического состояния. Что обусловлено не только возрастными изменениями (мы рассматриваем состояние 20-летнего комбатанта через 10 и через 20 лет после его участия в военных действиях) или изменениями в жизни периода «лихих девяностых» (тогда в зоне перестрелки или теракта могли оказаться кто угодно и когда угодно); главная проблема данной психологии это отказ от личностного развития и интеллектуального роста, которые компенсируются через потребительское поведение «заедать, запивать, покупать», характерное в заданной выше терминологии для «мышц». Здесь травма становится своеобразным механизмом социальной депривации, и

комбатанты предпочитают проблематизировать тело, не желая заниматься «прокачиванием» мозгов: нищета Философии рождает философию Нищеты.

Две другие психологии, как уже говорилось выше, имеют обратный – просоциальный характер. Скептики и стоики имеют иные ценности, а значит, иные направленности и доминанты. *Скептицизм* (всякий скептик всё подвергает сомнению), течение, которое зарождается из простого тезиса: «прежде чем о чём-то судить, воздержись от оценок и успокойся». Надо отметить, что здесь не только «неудобные вопросы» либеральной повестки, когда Философию заменяют идеологией. Здесь в первую очередь выступает практика малых дел, стремление к получению образования, чтобы разобраться, понять и исправить. Опыт психологической, профессиональной и социальной реабилитации воинов интернационалистов, получивших ранения и инвалидность, достаточно позитивен [3, с. 16-24]. Многие в прямом смысле получили «новую жизнь» будучи вовлечёнными в активную научную, трудовую и социальную деятельность. Многих ветеранов можно наблюдать сегодня и в политике, и в бизнесе, и в образовании. И в данном случае государство должно оказывать всестороннюю поддержку тем, кто сохраняет критическое мышление не потому, что «баба Яга против!», а потому что «моя Философия = не доверять чужой философии» – это залог субъектности личности, ведущей к суверенитету государства.

Ещё одна психология жизни – *Стоицизм*. К сожалению, в постсоветской России именно философия и психология стоиков подвергалась максимальному выдавливанию из культурно-образовательной повестки человека, что и сказалось на «смешанных» настроениях нашего общества в 2022 г., когда с началом СВО в элитных группах страны наблюдались не только разброд и шатания, но и трусость и предательство. Стоицизм – проверенная веками система воспитания человека Империи (*Я = народ, без которого Меня – нет*). Принятие новых задач как продолжение исполнения цели жизни поколений моих предков ради поколений моих потомков. Такой взгляд на собственную жизнь как на историю родовой линии, вписанной в историю тысячелетней державы, полностью меняет психологическую оценку полученных травм. Основой социально-психологической реадaptации и ресоциализации ветеранов в духе стоицизма становятся новые цели и новая мотивация на личностный рост. Если «Я» является уникальным событием жизни времени «здесь и сейчас», то любая травма становится критической и фатальной (жизнь однодневки слишком коротка). Однако, если «Я» человека вписано в историю своего рода и своей страны, то полученная травма является ещё одним эпизодом (не первым и не последним) в череде событий, развёрнутых в столетиях. А значит человек может получить совершенно иной опыт, это было у моего прадеда, деда и они с этим справились. Моя задача не стенать о злой судьбе, а заняться саморазвитием, не быть нахлебником в семье, а стать полезным в обществе. Здесь находится основная мотивация развития человеческого капитала.

Рассмотрим структуру психических и соматических заболеваний у ветеранов боевых действий, которые в анкетах и интервью отмечали близость своих взглядов к психологии скептицизма или стоицизма (*данные по группам ветеранов Афганистана по Российской Федерации*) [5, с. 100-104]:

- заболевания сердечно-сосудистой системы: поступившие сразу 15% || эффект отложенной травмы (через 10 лет) 30% || через 20 лет – 33%;
- органов пищеварения: 15% || 25% || 27%;
- органов дыхания: 15% || 20% || 21%;
- костно-мышечной системы: 10% || 20% || 21%;
- нервной системы: 10% || 15% || 12%.

Психические расстройства:

- ПТСР: поступившие сразу 40% || эффект отложенной травмы (спустя 10 лет) 50% || спустя 20 лет 40%;
- сексуальные расстройства: 40% || 15% || ≈ 2%;
- психопатизация и изменение личности: 30% || ≈ 10% || ≈ 2%;
- алкоголизм, нарко- и токсикомании: 20% || ≈ 10% || ≈ 5%;
- социальная и профессиональная дезадаптация: 15% || ≈ 5% || ≈ 1%;

- тяжёлые психоорганические расстройства: 1% || 1% || ≈ 2%.

Эта группа соответствует «мозгам», когда масса полученных травм сублимируется человеком за счёт выполнения миссии или задачи, где он чувствует себя нужным человеком (*человеком, имеющим большую цель в жизни*). Если смотреть динамику, можно увидеть, что люди близкие к стоицизму и скептицизму проблемно проходили период «десяти лет» после войны. Это связано с вхождением страны в период «лихих девяностых». Так ветеран Афганистана, демобилизованный в 1981 г. через 10 лет получил шок от крушения СССР; демобилизованный в 1983 г. – расстрел Белого дома в 1993 г.; 1985 г. совпадает с разгулом бандитизма и резкому обнищанию населения России; 1988 г. – дефолт экономики 1998 г.; демобилизованный в 1990 через 10 лет будет наблюдать теракты, вторую чеченскую войну и уход в отставку президента Б.Н. Ельцина.

Для категории, обозначенной нами как «мозги», это было серьёзным ударом, однако мотивация на самоактуализацию помогла выжить в условиях описанного «шока от будущего». Появляется новое «Я-реальное» и человек, сначала цепляясь за любые элементы внешней необходимости, начинает строить новый образ «Я-идеального». И в этом смысле, люди прошедшие стадии собственного личностного роста становятся опорой для новых молодых ветеранов. Которым они адресуют «терапевтические» вопросы типа:

- А что мешает реализовать ценности так, как вы их видите и сравниваете с «идеальными» для человека?

- Что необходимо для того, чтобы это сделать?

- От кого (чего) зависит успех реализации ваших ценностей? [4, с. 228]

Советом и прямой помощью, собственным примером и демонстрацией своих возможностей такие люди тянут за собой менее сильных характером. Это тот случай, когда Философия Сердца даже сугубую диктатуру делает диктатурой Сердца.

Обсуждение результатов

Подводя итоги, необходимо ещё раз обратиться к двум статистикам двух разных групп ветеранов, выделенных нами по той или иной психологии жизни. Гедонистически и кинически настроенные ветераны показывают постепенное и заметное на срезах данных (+10, +20 лет) ухудшение собственного психосоматического состояния уже в возрасте ≈ 45 лет, т.к. остаются в системе телесного, компенсируя «мышцы» через удовольствие расширяющегося потребления. Вторая группа «мозги» – те, кого относят по психологии к просоциальным, активным группам скептиков и стоиков, показывают более позитивную статистику, что связано с факторами «включенности» и мотивированной деятельности, дающей чувство полезности не для себя, а для других.

Именно эта группа способна своим примером демонстрировать «Образ будущего». В 2024 г. подобная практика деления на группы «мышцы» и «мозги» была подтверждена в виде контент-анализа ветеранских интернет-сообществ. Можно констатировать, что активные ветераны СВО представлены в основном группой «мозги», а по направленности психологии наиболее выражены стоики. В вопросах, адресованных в сообщества об их видении образа будущего России, ветераны довольно быстро обозначили ключевые слова этого образа: Победа, вера, державность, Россия (империя), справедливость, личность, образ Мы как общины неравнодушных друг к другу людей.

Получив вышеприведённые данные, было интересно посмотреть на ветеранов локальных войн, прошедших в периоде 10 и 20 лет от текущего 2025 г. (*2-ая Чеченская – 1999-2009, Осетинская – 2008*) [4]. Итоги неоднозначны: качеством жизни удовлетворены от 30 до 45% ветеранов; жилищные условия оценивают как неудовлетворительные (по разным основаниям) до 65%; из пенсионеров, оценивают уровень пенсий как недостаточный – 80%. Не удовлетворены условиями работы – 75%. При этом, более 30% опрошенных – одинокие люди. Улучшение в

состоянии здоровья отмечают лишь 20% ветеранов; субъективно оценивают здоровье как «без изменений» – 15%; оценивают как ухудшение – 65%.

При этом работа с этими людьми велась в режиме создания психологии потребления (кинизма и гедонизма), на базе идеологии государственного прагматизма и общественного либерализма [6, с. 48-52]. Плоды – на лицо: нищета Философии породила философию Нищеты.

Заключение и выводы

Великие научные прорывы и победы случаются в закрытых консервативных обществах с философией будущего и психологией героев, где, несмотря на тяготы и лишения молодости, ветераны живут долго и осмысленно, передавая внукам и правнукам свою систему ценностей. Стойкость каждого становится устойчивостью всех – *это главная задача растущего человеческого капитала*. Зато высокой эффективностью администрирования процессов хвастаются «открытые общества», где главной задачей ставится воспитание сытого и глупого населения, которое бы не мешало эффективно управлять процессами освоения капитала, что приводит к постоянному дроблению общества, конфликтам поколений и гражданским столкновениям всевозможных меньшинств. Человеческий капитал, состоящий из «мышц», выгоден только в своей трудоспособной фазе – об остальном должен позаботиться либеральный индивидуализм и государственный прагматизм.

СВО не может идти бесконечно, а это значит, что Россия уже сейчас находится перед выбором философии развития государства и общества – «мозги» или «мышцы»?

Библиография

1. Гаврилов, С.С. Общественные инициативы в сфере социальной защиты и реабилитации инвалидов, ветеранов, членов семей погибших военнослужащих: проблемы реализации // Посттравматический синдром. Пути реабилитации: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 5 дек. 2007 г. Казань, 2007.
2. Караяни А.Г. Хронотоп войны как методическая оптика для анализа поколения специальной военной операции // Российский военно-психологический журнал. 2024. №4. 53-64.
3. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2011. Т. 22. Выпуск № 1. С. 16-24.
4. Психосоциальная работа с участниками локальных боевых действий: Метод. пособие / Сост. М. А. Костенко, Н. Б. Костенко, А. В. Урезков. М., 2015. 235 с.
5. Фаттахов В.В., Демченкова Г.З., Якупов М.С., Максумова Н.В. Качество жизни ветеранов войны в Афганистане 20 лет спустя // Общественное здоровье и здравоохранение, 2009. С. 100-104.
6. Шабанов Л.В. Психолого-педагогическая инвалидизация как новый вид социальной адаптации // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: ментальное здоровье и условия его сохранения. Сборник докладов по материалам VI Международной межведомственной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2022. С. 48-52.

PSYCHOLOGICAL JUSTIFICATION OF THE VALUE OF HUMAN CAPITAL: "BRAINS" OR "MUSCLES"?

Shabanov L.V.

National Guard Troops Academy

Abstract

The article attempts to analyze the current situation regarding the choice of vectors of state policy in relation to the combatants who returned from their military service. The author provides data on the rehabilitation of internationalist soldiers in the USSR and participants in local conflicts on the territory of the Russian Federation. Using the method of comparative analysis, clusters of socio-psychological formats of personal meaning are considered, declared as "psychology of life" (hedonism, cynicism, skepticism, stoicism), the features of a person's general orientation towards society (anti- and prosocial), as well as the orientation of the state as a policy of creating human capital ("muscles" and "brains") are revealed. All these issues eventually come to the problem of shaping the image of the future of post-war Russia, in the creation of which the leading role should be assigned specifically to the veterans of its military.

Keywords

state, society, human capital, psychology of life, motivation, re-socialization of military veterans